

**Перед
листопадом**

Свеча

Мерцая желтым язычком,
Свеча все больше оплывает.
Вот так и мы с тобой живем —
Душа горит и тело тает.

* * *

Цветет и вырастает в эфир
Звезды семигранный кристалл,
Чтоб я этот призрачный мир
В подъятых руках осязал.

На пальцах летучий налет —
Пространства святая вода,
И острою льдинкой растет
На длинной ладони звезда.

Но мерно колышет эфир
Созвездия тающих тел,
Чтоб я этот призрачный мир
В руках удержать не сумел.

* * *

Летийский ветер веет надо мной
Забвением и медленным блаженством.
— Куда идти с такою немотой,
С таким слепым,
  бесплодным совершенством.

Изнемогая, мертвенный гранит
Над мрачною водою холодеет.
— Пора, мой друг. Печальный город спит,
Редет ночь и улицы пустеют;

И — как тогда — сверкает голубой,
Прозрачный лед. Январь и ожиданье,
И над бессонной, медленной Невой
Твоей звезды далекое мерцанье.

* * *

Погоди, погоди!
Ты ведь знаешь сама:
Это всё не для нас —
Петербург и зима,
Та высокая молодость на островах,
И ночные рассказы о крепких делах,
За метелью костры, за кострами Нева.
Ой, шальная, шальная моя голова,
Ой, широкие сани под шитым ковром,
Бубенцы и цыганские ночи вдвоем!

Только мне и осталось, что память одна,
Только черная память в стакане вина,
Да горючие песни о злобе моей,
Да веселые письма далеких друзей.
Даже сонная боль пережитого дня,
Даже имя твое покидает меня.

* * *

Ты горечью была, слепым,
Упрямым ядрышком миндальным,
Такою склянкою, таким
Расчетом в зеркальце вокзальном,

Чтобы раскрылся саквояж
Большого детского вокзала,
И ты воочью увидала
И чемодан, и столик наш,

Чтобы рассыпанный миндаль
Возрос коричневою горкой,
Или проникнул запах горький
В буфетный, кукольный хрусталь,

Чтобы, толкаясь и любя,
Кружиться в зеркальце вокзальном,
И было множество тебя,
По каждой в ядрышке миндальном.

* * *

На полоски несжатого хлеба
Золотые ладьи низошли.
Как ты близко, закатное небо,
От моей опаленной земли!

Каждый парус твой розов и тонок,
Отвори нам степные пути,
Помоги от траншей и воронок
До прохлады твоей добрести.

Хлеб

Кирпичные, тяжелые амбары
Густым дыханьем напоили небо,
Под броней медной напрягались двери,
Не сдерживая гневного зерна.

Оно вскипало грузным водопадом
Под потолок, под балки, под просветы
Распахнутых отдушин, и вздувались
Беременные славою мешки.

Так жар дышал. Так жил амбар. Так мыши,
Как пыльные мешки, дышали жаром,
И полновесным жиром наливался
Сквозь душный полдень урожайный год.

Так набухали трюмы пароходов,
И грузчики бранились вперемешку
С толпой наплывшей. Так переливалось
Слепое солнце в масляной воде.

* * *

За хлеб мой насущный,
за каждую каплю воды

Спасибо скажу,
За то, что Адамовы я повторяю труды,
Спасибо скажу.

За этот пророческий,
этот бессмысленный дар,
За то, что нельзя
Ни словом, ни птичьим заклатьем
спастись от беды,
Спасибо скажу.

За то, что в родимую
душную землю сойду,
В траву перельюсь,
За то, что мой путь —
от земли до высокой звезды,
Спасибо скажу.

Осень

А.А. Альвингу

Твое изумление, или твое
Зияние гласных — какая награда
За меркнувшее бытие!

И сколько дыханья легкого дня,
И сколько высокого непониманья
Таится в тебе для меня,

Не осень, а голоса слабый испуг,
Сияние гласных в открытом эфире —
Что лед, ускользнувший из рук...

